

Хоспис

Вы все умираете. Чем вас спасу?
Сельдей в бедной бочке – палата набита.
Стеклянная дверь тяжела и открыта.
И шпирц – на весу.

Вот в легкие ветер стерильно втекает.
Разбили окно!

Кой-кому полегчает.
Усердно – уколы, укоры, ухваты,
Больные распяты
На позднем, полночном, алмазном снегу.
Я зреть не могу
Вас всех. Это боли последний приют.
Не вылечат? Пусть. Хотя б не убют.

Вхожу. Обвожу не глазами, а сердцем
Вас всех. Мне от вас уже некуда деться.
Вон тот – царевал, гулевал, пировал.
То красный, то черный накатывал вал.
Пред зеркалом зло наизусть повторял,
Парадный мундир, хохоча, примерял.
Войну развязать – не шитво распороть!
Он плачет, отрезанный, жалкий ломоть,
В белеющей койке,
во тьме.

Молитву он шепчет – проклятье в уме.

Вон та, ее жальче, ах, Господи, всех –
Подружку ограбила ради утех:

Буранов да вьюг кружевное белье –
Петля красоты захлестнула ее!
В тюрьму пересудов, под плетки-хлысты
Презренья – швырнули. Сожгли все мосты.
Чудовищна зависть, брильянты горят,
Живою травой вышит жалкий наряд,
Живою водою побрызгана брошь –
Острее, чем яд,

чех отточенный нож,
Тяжелая тяга: скраду! не отдаам!
...Повязка на лбу. Холод кружки – к губам.
Все шепчет: прости, дорогая, прости!
Я столько взяла, сколь смогла унести.
Мне просто твои приглянулись каменья –
Украла без совести, без сожаленья,
В дыму наважденья –
Твои изумруды, агат, малахиты...
Ах, бабы, сороки мы... Время закрыто,
Зашелкнуто гадкой, чужою шкатулкой...
Мне гадко! мне гордо! мне горько и гулко!
Да, гневно мне! Грозно! Я завтра умру.
Хотя б не воровкой!

...И стонет в жару.

Вон мечется странный. Язык иностранный.
Поверенный? Пленный? Железный? Нетленный?
Себе – неизменный. Кому же – изменный?!
Позорный, в трубе хохотавший подзорной,
Он здесь умирает, пацан беспризорный,
В сраженье суждено пулей пронзенный,
На койке казенной.
И шепотом вяжет небесные нити:
«Простите! Простите! Простите...»

А эта? Старуха. Святейшего Духа
Не слышат, оглохнув навеки, два уха,
Не видят сиянья два призрачных глаза –
Боится. Бормочет: о, Господи, сразу
Возьми!.. в ослепленье!.. а то и во сне...
Пойду по зиме... сгорю в белом огне...
А что же дочурка ко мне не идет?..
А что же поет возле койки народ...
Не слышу... а слышу Единого Бога...
Господь... дай пожить еще каплю... немногоП
Я много деньков у Тебя не прошу...
Над мискою манной я каши дышу
Твой литургией... кондаком Твоим...
Вся жизнь – Твой табачный, таинственный дым...
И тихо в окошке качнется Луна
Кадилом – над золотом вечного сна...

Ах, этот! Держите! Он рвется! Он бьется!
Предсмертно – над всеми врачами смеется!

Мальчишка, так трудно ему умирать!
Один, а восстал, будто грозная рать!
Кулак лупит воздух! Синеет наколка.
Диагноз бессонный. Глаза как у волка.
Обрита веселая – вдрызг! – голова.
Распухшие губы. Шевелит едва
Он ими: искусаны ночью, в бреду.
Вчера он – в Раю, а сегодня – в Аду.
Он вместо молитвы плюет изо рта
Тяжелую скверну – прости, чистота!
А мать у него?.. одинокий, бедняга?..
Какая потребна чумная отвага
Для мощного шага – туда, за порог,
Во мрака безвидного черный чертог!

Вбегают сестрички,
все иглы да капли,
Ногами – балет перламутровой цапли,
Сиянье стекла, милюсердье перчаток
Резиновых, наг синяков отпечаток –
Да, кровоподтек – это значит – ЖИВОЕ,
Ну дай я над ним ослепленно повою,
Над ней, над патлатой ее головою –
Ну что, ну и что, пусть убийцы и воры,
Преступники, пьяницы из зазеркалья –
Пускай вы вчера самогонку лакали,
Вчера – шуры-муры, вчера – трали-вали,
Умрете вы скоро!
И каждая жизнь ваша – мне в сердце жало.
За каждого слезно молюсь. И целую
Босую ступню, что из-под одеяла
Торчит, синеву показуя худую,
Дрожит из-под мятои, в крови, простыни...
Не бойся! Не дергайся!
Мы здесь одни.

Вы все – и одна.
На меня все глядите!
Да это не я уже. А небеса,
Болота, протоки, речная коса,
Созвездья играют в небесном корыте,
Я руки по локоть во тьму окуну –
Она станет солнцем.
Одну
Меня, перед смертью, больные, простите –
Святые! мне, блудной, грехи отпустите!

Да, мир – это хоспис, огромно гудящий,
Где каждый умрет смертью, о, настоящей,
О, нежной ли, грубой – не знаем в ней броду,
Как, молча уйдем? иль вопя, будто в родах?
Щипля, обирая края одеяла, –
Воровка, да что же ты жизнь не украла,

Хоть горсточку, крошечку, капельку... ну!..
Себе!.. да и мне!.. я над койкой нагну
Гордыню, хребет, несогбенную шею:
Еще поживи... я сташить не сумею –
О, дура я, дура!.. прости мне, Господь! –
Тебе – лик в разводах рыdalьного kleя –
С больничной столовки – ржаного ломоть...

Все грешники, все, кто лежит на кроватях
В безумной, бесснежной, бесслезной палате, –
Патлатые, лысые, неуловимо
Текущие нежными лицами мимо,
Горящие лбами, зрачками слепы –
Ввиду нашей общей, известной судьбы, –
Все – каждый! – зовут напоследок живое,
Чтоб – не одному уходить, чтобы – двое,
Обняться так крепко, да что там Сиам,
Я смерти, да, смерти тебя не отдаю, –
И рты жизнь-любовь ошалело зовут
На пять потрясенных, последних минут...

Я всех вас люблю! Да, вы все – мои дети.
Пригудить. Слезами облить. Обласкать.
Я мать. Я всего лишь несчастная мать.
Не руки свисают вдоль тела, а плети.
И только глаза... они вихрем идут
В накат, разбивают мензурки, пипетки,
Ломают стекляшки, решетки и клетки,
Взрывают под кожей блаженный салют!
Впускают в палату крик, ярость и вой!
И Бога впускают! Он смертнику в уши
Кричит: «ТЫ ЖИВОЙ!» –
И так обнимает усталую душу,
Как будто расстрелян проклятый конвой,
И стяг окровавленный – над головой.

О дети мои. Вы моя чудо-рать.
Повоевали. Закончилась битва.
Я, мать, прошепчу вам простую молитву:
НАМ ВСЁМ УМИРАТЬ.

И в чистой палате, сияющей, белой,
Мы, грешники, все перед Богом равны –
Все души, летящие в небо из тела,
Все луны всех лиц, от любви онемелых,
Герои, бандиты, старухи, пострелы,
Солдаты грядущей огромной войны.

Народ, ты уходишь?.. Прощай. И прости.
Дожди по лицу. Кто стоит за спиною?
Он в белом халате. Он рядом со мною.
Мне руку сжимает в горячей горсти.

Кудлатый костер. Обжигающий дым.
Всем Царство Небесное. Воля полета.
Младенцы родились?.. мать! много заботы.
Живое – живым.

И врач – или враг – или вор – не уйти! –
Мне руку ледящую жмет до кости,
А слез не унять! И соленая влага
Весь мир залила, и судьбу, и отвагу, –
А я все шепчу: о, последний бедняга,
Бродяга,
Да, ты, бедолага, –
прости мне... прости...

Миръ

Огнем и мечом.
Тит Ливий

Мой выжженный дьявольски Рим.
Сдери золотую коросту –
Все тысячелетья горим:
Так страшно и просто.
Летит изумленно снаряд.
Рвет воздух чудовище-мина.
Дома исступленно горят.
Смерть, мимо!
Дымящийся адом Донбасс.
Ирезан огнем, весь изранен,
Один – перед нами – из нас –
Ефрем Сириянин.
Искуплен, откуплен Дамаск.
Средь пепла исходит Пальмира
Оставленной музыкой ласк,
Отъятых у мира.
Грохочет обвалом оркестр.
Меж диких боев – замиренье.
А в амфитеатре нет мест!
Нет слуха и зрения!
О снайпер, прицел оботри!
Слеза или дождь по стекляшке
Ползет?!

Что у мира внутри –
Гляди! это страшно.
Что там, под рубахой в грязи,
Под тельником потным?
...кулак, ты грози не грози
Всем силам бесплотным...
Там пламя на весь белый свет,
На пол-океана.
Там счастью прощения нет.
Там гонят из дома

Разрывы, раздоры, пожар,
Кровавым штандартом встающий,
Сражения пьяный угар,
Кострища вселенские кущи!
И на пепелище, один,
В гудящее злато стреляя,
Кто – Бог? человек? господин?..
Любови личинка слепая?.. –
Средь ужаса угольных гор,
Хвостов этих огненных, лисьих... –
Сгораешь, взойдя на костер
Войны, и безумья, и жизни!
А Рим полыхает вокруг.
Воплю, так ору заполошно:
Держись, ты живой еще, друг!..
Жить – яростно!.. выжить – возможно!..
Любить – непреложно!.. пускай
Исходят лукавством и любой,
Кто мир наш, потерянный Рай,
Пнул в лодку дощатую гроба!
Иконы и книги поджег,
Могилы, и детские косы,
И яркий брусничный пирог,
И памяти рвы и торосы!

Ах, Рим мой, ты мир мой, моя
Провинция, пашия, столица,
В дымах и прибое жнивья
Горящая горем граница!
Гробница, клеймо ты мое.
На коже?!. – на сердце ожоги.
Пылает и рвется белье –
Бураном у нищей дороги.
Да, красная эта метель –
Гудит, обнимая руины!
Да, огненной шкурой – постель,
И лава клокочет перины!
И красный истерзанный флаг –
Лоскутным, в крови, одеялом
Над полымем римских атак
Взвивается – Фениксом алым!
Да, села горят! Города!
Огонь пожирает без меры –
Что будет; что было тогда...
...а легионеры
Ступают, идут тяжело,
И падают, и умирают,
И слез ледяное стекло
Ладонью – тверда как весло –
В ревущем огне
утирают.
Старик, обними, сизый дым.
Согни раскаленной подковой.

Горю я. Пылаю.

Я – Рим.

Нет места живого.

До жил, потрохов, черных дыр –
Воскресни, прощенный! –
Сжигают. Сжирают!

Я – Мир,

Огнем окрещенный.

Возвращение

Все, что было, пусть исчезнет, как слепящий снеговей.
Я стою в конце дороги среди Родины моей.
Путь окончен мой железный. Радость дивно велика –
Та, что рот мне зажимает комом снятого платка.

Отзвенят вагонов звоны. Отгорчит грузинский чай.
На разъездах енисейских отворчит собачий лай.
Всю на станциях заштатных бабы снедь распродадут...
А в вареную картошку черемшу они кладут!..

Выхожу я из вагона. Дым курится в вышине.
Вы, попутчики, – бессонно вспомяните обо мне!
Дорогие, золотые, – то в картишки, то молчком,
То признания ночные торопливым шепотком...

Долго ехала я с вами. Обжигаясь, чай пила –
Горькое глотала пламя, плача, на краю стола.
Перестук колес, и тряско, станции держу свечу...
Мой народ, тебе за ласку – страшной болью заплачу!

Прохожу перроном. Люди веселятся, слезы лют.
На вокзальном дымном блюде сон дорожный – пять минут.
Прохожу вокзал навылет. Мощную толкаю дверь.
Не идущий – не осилит ни дороги, ни потерь!

А на площади широкой – все товары на лотках –
Лица в кепках пропыленных, лица в расписных платках,
Лица, словно снег холодный, в жизнь летящие мою –
Поименно, принародно вас, любимых, узнаю!

Я стою на Комсомольской, весь пройдя в короткий срок
Путь, которым эшелоны шли на Запад и Восток.
И, от счастья прозревая, от рыданья став слепой,
Я лицом одним сливаюсь с беспредельною толпой.